

Махмудова С.М.
Феномени интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 17–28.

Mahmudova S.M.
Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 17–28.

Феномены интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского¹

Махмудова С.М.,

Доктор филологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета

Работа посвящена феноменологии интенциональности объектов в творчестве Ф. М. Достоевского. В статье обосновывается гипотеза, что основными интенциональными объектами в письмах и дневниках Достоевского являются темы Христианство, Русский Народ и Россия.

Ключевые слова: Достоевский, феноменология интенциональных объектов, Россия, Христианство, русский народ.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Феномены интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Mahmudova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Mahmudova S.M. Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Mahmudova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Творчество Ф.М. Достоевского – это объект внимания не только литературоведения, лингвистики, но и философии, так как философия отношения к миру является краеугольным камнем в произведениях мыслителя. Письма Ф.М. Достоевского из Италии получили рассмотрение исследователей в специальных работах, так как итальянский период творчества русского гения, который до сих пор оказывает огромное влияние на умы в Европе, был весьма плодотворным как в эпистолярном отношении, что позволяет отследить душевное, моральное и физическое состояние гения, так и в творческом, духовном, отношении – там был закончен один из самых монументальных романов русской литературы - «Идиот».

В нашей работе будет рассмотрена феноменология интенциональных объектов в письмах и дневниках М.Ф. Достоевского.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые анализируется интенциональность объектов психологического мира в письмах писателя с точки зрения феноменологического метода анализа текста.

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

Один из главных психических образов переживающего субъекта в письме, – идея Родины, вновь и вновь возникающая в мыслях писателя как образ светлого, доброго, родного начала, который притягивает автора. Образ теплой, милой, дорогой России проступает в большинстве писем, так как мыслитель отталкивается во всем своем творчестве, обнаруживая этим сущностную взаимозависимость соотносимых элементов – акт зависит от объекта и объект зависит от акта: образ России предстает через описание Ф.М. Достоевского, и Достоевский создает свой ментальный образ России на основе натуралистических реалий Родины, отражающихся в сознании Федора Михайловича.

Россия для Ф.М. Достоевского – это истоки его духовности и духовности его народа, лучшие проявления великой славянской духовности. Ф. Достоевский, более того, патриот и славянофил, проповедующий общеславянское единство и радеющий за будущее всех славянских народов. Как пишет сам Ф.М. Достоевский в “Дневниках...”: "А между тем в одной России лишь всё светло и ясно, кроме, разумеется, великой скорби о восточных славянских братьях ее - скорби, однако же, освещающей душу и возвышающей сердце" [1].

Именно потому, что Федор Михайлович чувствует Россию, он предугадывает ее исторический путь, замечая с удивительной прозорливостью гения еще в 1976 году: "Но Европа не верит этому, не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию. Вот особенно в этом-то "бескорыстии" и вся неизвестность, весь соблазн, всё главное, сбивающее с толку обстоятельство, всем противное, всем ненавистное обстоятельство, а потому ему никто и не хочет верить, всех как-то тянет ему не верить. Не будь "бескорыстия" - дело мигом стало бы в десять раз проще и понятнее для Европы, а с бескорытием - тьма, неизвестность, загадка, тайна! (...) И, уж конечно, вся эта тайна заключена (...) в одной России, которая никому-де, однако, ничего не хочет открыть, а идет к какой-то своей цели, твердо, неустанно, всех обманывая, коварно и тихомолком. Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, как на роковую загадку, бог знает откуда явившуюся и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало. И вот каждый раз, именно с Восточным вопросом, эта неизвестность, это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: "Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские?" [1].

В “Дневниках” Ф.М. Достоевский пишет также о присущей русскому народу силе духа, о ее исторической миссии: “На его плечах (т. е. на плечах народа), на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам - создалась независимость России, ее сила и способность к историческому призванию. Он сохранил нам чистоту христианского идеала, высокий и смиренный в своем величии героизм и те прекрасные черты славянской природы, которые, отразившись в бодрых звуках пушкинской поэзии, постоянно питали потом живую струю нашей литературы...” [2]. И далее: “Убеждение в бескорыстии России если придет когда-

нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслию, что Россия будто бы "пока бессильна"[2].

Пространными получают цитаты Ф.М. Достоевского в нашей работе, однако предугаданная гением писателя роль России в мире, отношение к ней других стран и внешнего мира в девятнадцатом веке, излагаемые Ф.М. Достоевским в своих письмах и дневниках, и сегодня не изменились, мир все еще словно прощупывает Россию на крепость, испытывает ее на прочность, не веря ей, не принимая ее, пытаясь относиться свысока, стараясь подчинить ее своей воле, вновь и вновь пыжась определить путь для нее, избранный не самой Россией, а европейскими державами, Западом, никак не принимающими Россию в качестве великой державы, новой равной силой, способной самой повлиять на мир.

Ф. Достоевский в "Дневниках" доходит в анализе духовной сути русского народа до самых ее глубин, где стержнем, скрепом нации и основным, самым сущим, (эйдос, как это определяет феноменология) устремлением есть любовь к Иисусу Христу, богу, страдания которого близки русскому народу, жертвенность Христа и его готовность к смерти ради народа также свойственна и русской душе: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он вздыхает и относит славу свою к милости господя. Страданием своим русский народ как бы наслаждается».

«Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания» [3].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что христианскую духовную глубину русскому народу привил Ф. М. Достоевский. С имени Ф. Достоевского начинается христианский психологизм души русского человека, может быть, испытание русской души христианством, очищение души через христианство, отсюда начинается и измерение своих и чужих поступков через посредство христианских основ. Если в величайшем произведении русской мысли XVIII века – стихотворении Г. Державина «Бог» поэт страстно доказывает существование «пространством бесконечного, ... духа, всюду сущего и единого», то уже в XIX веке Ф. Достоевский вводит христианство в самую суть духовности самого русского читателя,

делая христианство основным проявлением души и духовности человека. Христос и христианство для Достоевского – это мерило человечности, человеколюбия, единения человека с природой. Такого всепронизывающего, страстного поклонения и полного доверия Богу, присутствующему в основной части произведений Ф.М. Достоевского, после него уже не будет. Г. Р. Державин вводит в русскую литературу образ Бога, заставляет поверить в него, даже демонстрирует божественную суть через литературу. И, в этой связи, интересно, что Г. Р. Державин, как он сам пишет в своих «Записках», писал свою божественную оду несколько лет и докончил ее во сне.

Если для Г.Р. Державина Бог – "пространством бесконечный, Живый в движении естества, Течением времени превечный, Без лиц, в трех лицах Божества, Дух всюду сущий и единый", ... "Неизъяснимый, непостижимый", то для М.Ф. Достоевского Христос – это не просто всемогущий Бог, дух для страстного поклонения, как у Г. Державина, а самая суть его Родины – России, которую он так же страстно любит, и тем сильнее его любовь и тяга к России, чем дальше и дольше он от нее уезжает.

У Ф.М. Достоевского в душе русского народа не просто поклонение Иисусу Христу, а поклонение Иисусу за его страдания за народ, голгофа, на которую Он всходит ради людей. И это страдание становится у Федора Михайловича одним из духовных скрепов, особенностей национального русского самосознания: "Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он вздыхает и относит славу свою к милости господу. Страданием своим русский народ как бы наслаждается" [3].

Ф.М. Достоевский мучается образом Христа, переживает за него, пытается объяснить его народу, преподнести, боясь, что проникнется этим глубоким образом народ, либо не поймет его. Как гениально замечено И.А. Есауловым, что "По Достоевскому, наибольшую опасность для человечества в настоящем, прошлом и будущем представляет не столько прямой атеизм, сколько искажение и подмена (курсив И.А. Есаулова –С.М.) вселенского образа подлинного Христа, искажение вселенской христианской веры. Это искажение и подмена "даже хуже самого атеизма", поскольку действительная вера в искаженного и оболганного Христа, то есть, по словам князя Мышкина, вера в "Христа противоположного", лже-Христа, оказывается как раз не абстрактным неверием, а весьма конкретной и фанатической, но верой (курсив И.А. Есаулова – С.М.), однако верой в конечное торжество антихриста [4].

Ф.М. Достоевский – Русский Гений, что значит, что он чувствует душу русского народа и живет по неписанным законам русского народа, запах родины, дух своего народа, степи и равнины русские питают его талант силой, русский язык служит основой мощи слова, певучесть и простота русского слога украшают его стиль письма, мог ли он быть долго без всего этого, если дыхание его даже становилось свободнее на родине? Конечно, нет, - и только этим объясняется его страсть по России, тоска по дому в прекрасной Италии, страны, которая дала миру Петрарку и Данте, Рафаэля и Микеланджело.... Для Достоевского даже Сибирь, где он не просто бывал, но пробыл на каторге, милее Флоренции, где, кстати, его с супругой поселили в бывшем дворце королей: "Здесь во Флоренции климат, может быть, еще хуже для меня, чем в Милане и в Вевее; падучая чаще. Два припадка сряду, в расстоянии 6 дней один от другого, и сделали то, что я опоздал эти 10 дней. Кроме того, во Флоренции слишком уж много бывает дождя; но зато, когда солнце, — это почти что рай... Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь... Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие действительно уж чудеса искусства, неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу" [5].

Еще один интенциональный феномен в письмах Ф. Достоевского – его отношение к своим произведениям: писатель находится в очень стесненных материальных условиях, однако не позволяет себе работать только ради прибыли, - идея – это то, ради чего он пишет, что считает основной целью своего творчества. Ф.М. Достоевский как переживающий субъект при герменевтическом анализе текста писем выступает еще и как субъект психического состояния растерянности от постоянных материальных проблем, однако никак не меняющий при этом своего нежного и заботливого отношения к родным, ищущий выхода только в результатах собственного труда.

Рефрен «христианство, русский народ и родина» и становится основной канвой, на которой разворачивается все дальнейшее творчество Ф.М. Достоевского, а также основными психологическими образами в его творчестве. Причем, христианство для Достоевского – это не просто религия его народа, его интересует такое явление в христианстве, как христианское всепрощение, христианская кротость, христианское страдание. В анализе характера русского народа писатель, как психологический хирург, пласт за пластом поднимает составляющие духовной сути и основные черты русской души, и делает это так тщательно, как это не делали ни до него, ни после в русской литературе.

И, по-видимому, так полон мир Ф.М. Достоевского этими тремя основными столпами русского духовного мира, что образ прекрасной Италии не находит в душе гения места, этот образ не находит отклика в его душе. И, на наш взгляд, именно этим и объясняется его отношение к Италии, а не банальным отсутствием материальных средств.

Таким образом, Ф.М. Достоевский предстает в дневниках и письмах как переживающий субъект, интенциональным объектом которого оказывается сложный набор психологических образов, составляющих основной фон его творчества. Творчество Ф.М. Достоевского – это объект внимания не только литературоведения, лингвистики, но и философии, так как философия отношения к миру является краеугольным камнем в произведениях мыслителя. Письма Ф.М. Достоевского из Италии получили рассмотрение исследователей в специальных работах, так как итальянский период творчества русского гения, который до сих пор оказывает огромное влияние на умы в Европе, был весьма плодотворным как в эпистолярном отношении, что позволяет отследить душевное, моральное и физическое состояние гения, так и в творческом, духовном, отношении – там был закончен один из самых монументальных романов русской литературы - «Идиот».

В нашей работе будет рассмотрена феноменология интенциональных объектов в письмах и дневниках М.Ф. Достоевского.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые анализируется интенциональность объектов психологического мира в письмах писателя с точки зрения феноменологического метода анализа текста.

Один из главных психических образов переживающего субъекта в письме, – идея Родины, вновь и вновь возникающая в мыслях писателя как образ светлого, доброго, родного начала, который притягивает автора. Образ теплой, милой, дорогой России проступает в большинстве писем, так как мыслитель отталкивается во всем своем творчестве, обнаруживая этим сущностную взаимозависимость соотносимых элементов – акт зависит от объекта и объект зависит от акта: образ России предстает через описание Ф.М. Достоевского, и Достоевский создает свой ментальный образ России на основе натуралистических реалий Родины, отражающихся в сознании Федора Михайловича.

Россия для Ф.М. Достоевского – это истоки его духовности и духовности его народа, лучшие проявления великой славянской духовности. Ф. Достоевский, более того, патриот и славянофил, проповедующий общеславянское единство и радеющий за будущее всех славянских народов. Как пишет сам Ф.М. Достоевский в «Дневниках...»: "А между тем в одной России лишь всё светло и ясно, кроме, разумеется, великой скорби о восточных славянских братьях ее - скорби, однако же, освещающей душу и возвышающей сердце" [1].

Именно потому, что Федор Михайлович чувствует Россию, он предугадывает ее исторический путь, замечая с удивительной прозорливостью гения еще в 1976 году: "Но Европа не верит этому, не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию. Вот особенно в этом-то "бескорыстии" и вся неизвестность, весь соблазн, всё главное, сбивающее с толку обстоятельство, всем противное, всем ненавистное обстоятельство, а потому ему никто и не хочет верить, всех как-то тянет ему не верить. Не будь "бескорыстия" - дело мигом стало бы в десять раз проще и понятнее для Европы, а с бескорытием - тьма, неизвестность, загадка,

тайна! (...) И, уж конечно, вся эта тайна заключена (...) в одной России, которая никому-де, однако, ничего не хочет открыть, а идет к какой-то своей цели, твердо, неустанно, всех обманывая, коварно и тихомолком. Двести уже лет живет Европа с Россией, насильно заставившей принять себя в европейский союз народов, в цивилизацию; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, как на роковую загадку, бог знает откуда явившуюся и которую надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало. И вот каждый раз, именно с Восточным вопросом, эта неизвестность, это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: "Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские?" [1].

В «Дневниках» Ф.М. Достоевский пишет также о присущей русскому народу силе духа, о ее исторической миссии: «На его плечах (т. е. на плечах народа), на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам - создалась независимость России, ее сила и способность к историческому призванию. Он сохранил нам чистоту христианского идеала, высокий и смиренный в своем величии героизм и те прекрасные черты славянской природы, которые, отразившись в бодрых звуках пушкинской поэзии, постоянно питали потом живую струю нашей литературы..." [2]. И далее: «Убеждение в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслию, что Россия будто бы "пока бессильна"» [2].

Пространными получают цитаты Ф.М. Достоевского в нашей работе, однако предугаданная гением писателя роль России в мире, отношение к ней других стран и внешнего мира в девятнадцатом веке, излагаемые Ф.М. Достоевским в своих письмах и дневниках, и сегодня не изменились, мир все еще словно прощупывает Россию на крепость, испытывает ее на прочность, не веря ей, не принимая ее, пытаясь относиться свысока, стараясь подчинить ее своей воле, вновь и вновь пыжась определить путь для нее, избранный не самой Россией, а европейскими державами, Западом, никак не принимающими Россию в качестве великой державы, новой равной силой, способной самой повлиять на мир.

Ф. Достоевский в «Дневниках» доходит в анализе духовной сути русского народа до самых ее глубин, где стержнем, скрепом нации и основным, самым сущим, (эйдос, как это определяет феноменология) устремлением есть любовь к Иисусу Христу, богу, страдания которого близки русскому народу, жертвенность Христа и его готовность к смерти ради народа также свойственна и русской душе: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и

неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он въздыхает и относит славу свою к милости господя. Страданием своим русский народ как бы наслаждается».

« Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания» [3].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что христианскую духовную глубину русскому народу привил Ф. М. Достоевский. С имени Ф. Достоевского начинается христианский психологизм души русского человека, может быть, испытание русской души христианством, очищение души через христианство, отсюда начинается и измерение своих и чужих поступков через посредство христианских основ. Если в величайшем произведении русской мысли XVIII века – стихотворении Г. Державина «Бог» поэт страстно доказывает существование «пространством бесконечного, ... духа, всюду сущего и единого», то уже в XIX веке Ф. Достоевский вводит христианство в самую суть духовности самого русского читателя, делая христианство основным проявлением души и духовности человека. Христос и христианство для Достоевского – это мерило человечности, человеколюбия, единения человека с природой. Такого всепронизывающего, страстного поклонения и полного доверия Богу, присутствующему в основной части произведений Ф.М. Достоевского, после него уже не будет. Г. Р. Державин вводит в русскую литературу образ Бога, заставляет поверить в него, даже демонстрирует божественную суть через литературу. И, в этой связи, интересно, что Г. Р. Державин, как он сам пишет в своих «Записках», писал свою божественную оду несколько лет и докончил ее во сне.

Если для Г.Р. Державина Бог – "пространством бесконечный, Живый в движеньи естества, Теченьем времени превечный, Без лиц, в трех лицах Божества, Дух всюду сущий и единый", ... "Неизъяснимый, непостижный", то для М.Ф. Достоевского Христос – это не просто всемогущий Бог, дух для страстного поклонения, как у Г. Державина, а самая суть его Родины – России, которую он так же страстно любит, и тем сильнее его любовь и тяга к России, чем дальше и дольше он от нее уезжает.

У Ф.М. Достоевского в душе русского народа не просто поклонение Иисусу Христу, а поклонение Иисусу за его страдания за народ, голгофа, на которую Он всходит ради людей. И это страдание становится у Федора Михайловича одним из духовных скрепов, особенностей национального русского самосознания: "Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом

из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он воздыхает и относит славу свою к милости господя. Страданием своим русский народ как бы наслаждается" [3].

Ф.М. Достоевский мучается образом Христа, переживает за него, пытается объяснить его народу, преподнести, боясь, что проникнется этим глубоким образом народ, либо не поймет его. Как гениально замечено И.А. Есауловым, что "По Достоевскому, наибольшую опасность для человечества в настоящем, прошлом и будущем представляет не столько прямой атеизм, сколько искажение и подмена (курсив И.А. Есаулова –С.М.) вселенского образа подлинного Христа, искажение вселенской христианской веры. Это искажение и подмена "даже хуже самого атеизма", поскольку действительная вера в искаженного и оболганного Христа, то есть, по словам князя Мышкина, вера в "Христа противоположного", лже-Христа, оказывается как раз не абстрактным неверием, а весьма конкретной и фанатической, но верой (курсив И.А. Есаулова – С.М.), однако верой в конечное торжество антихриста [4].

Ф.М. Достоевский – Русский Гений, что значит, что он чувствует душу русского народа и живет по неписанным законам русского народа, запах родины, дух своего народа, степи и равнины русские питают его талант силой, русский язык служит основой мощи слова, певучесть и простота русского слога украшают его стиль письма, мог ли он быть долго без всего этого, если дыхание его даже становилось свободнее на родине? Конечно, нет, - и только этим объясняется его страсть по России, тоска по дому в прекрасной Италии, страны, которая дала миру Петрарку и Данте, Рафаэля и Микеланджело.... Для Достоевского даже Сибирь, где он не просто бывал, но пробыл на каторге, милее Флоренции, где, кстати, его с супругой поселили в бывшем дворце королей: "Здесь во Флоренции климат, может быть, еще хуже для меня, чем в Милане и в Вевее; падучая чаще. Два припадка сряду, в расстоянии 6 дней один от другого, и сделали то, что я опоздал эти 10 дней. Кроме того, во Флоренции слишком уж много бывает дождя; но зато, когда солнце, — это почти что рай... Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь... Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие действительно уж чудеса искусства, неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу" [5].

Еще один интенциональный феномен в письмах Ф. Достоевского – его отношение к своим произведениям: писатель находится в очень стесненных материальных условиях, однако не позволяет себе работать только ради прибыли, - идея – это то, ради чего он пишет, что считает основной целью своего творчества. Ф.М. Достоевский как переживающий

субъект при герменевтическом анализе текста писем выступает еще и как субъект психического состояния растерянности от постоянных материальных проблем, однако никак не меняющий при этом своего нежного и заботливого отношения к родным, ищущий выхода только в результатах собственного труда.

Рефрен «христианство, русский народ и родина» и становится основной канвой, на которой разворачивается все дальнейшее творчество Ф.М. Достоевского, а также основными психологическими образами в его творчестве. Причем, христианство для Достоевского – это не просто религия его народа, его интересует такое явление в христианстве, как христианское всепрощение, христианская кротость, христианское страдание. В анализе характера русского народа писатель, как психологический хирург, пласт за пластом поднимает составляющие духовной сути и основные черты русской души, и делает это так тщательно, как это не делали ни до него, ни после в русской литературе.

И, по-видимому, так полон мир Ф.М. Достоевского этими тремя основными столпами русского духовного мира, что образ прекрасной Италии не находит в душе гения места, этот образ не находит отклика в его душе. И, на наш взгляд, именно этим и объясняется его отношение к Италии, а не банальным отсутствием материальных средств.

Таким образом, Ф.М. Достоевский предстает в дневниках и письмах как переживающий субъект, интенциональным объектом которого оказывается сложный набор психологических образов, составляющих основной фон его творчества.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
2. Дневник Достоевского. 1873 год. Глава V. Влас// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1873/1873-v-vlas.htm>
3. Дневник Достоевского, 1876 год. Сентябрь. Глава первая. Piccola bestia// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-sentyabr.htm>
4. Дневник Достоевского, 1876 год. Апрель//<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-aprel.htm>
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 15. Письмо С.А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г. Флоренция.
6. Есаулов И.А. Русская классика. Новое понимание. С.-Петербург, 2017. Стр. 186.
7. Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994.
8. Махмудова С.М. Рутульская литература. Махачкала, "Народы Дагестана", 2008.

Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries

Mahmudova S.M.,

Doctor of Philology, Professor, Moscow state University of psychology and education

---

The Work is devoted to the phenomenology of objects in the works of Dostoevsky. The article substantiates the hypothesis that the main intentional objects in Dostoevsky's letters and diaries are Christianity, the Russian People and Russia.

Keywords: dostoevsky, phenomenology of intentional objects, Russia, Christianity, Russian people.

References

1. Bahtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Kiev, 1994.
2. Dnevnik Dostoevskogo. 1873 god. Glava V. Vlas// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1873/1873-v-vlas.htm>
3. Dnevnik Dostoevskogo, 1876 god. Sentyabr'. Glava pervaya. Piccola bestia// <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-sentyabr.htm>
4. Dnevnik Dostoevskogo, 1876 god. Aprel'//<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1876/1876-aprel.htm>
5. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v 15 tomah. T. 15. Pis'mo S.A. Ivanovoj ot 25 yanvarya (6 fevralya) 1869 g. Florenciya.
6. Esaulov I.A. Russkaya klassika. Novoe ponimanie. S.-Peterburg, 2017. Str. 186.
7. Ivanov V. Rodnoe i vselenskoe. M., 1994.
8. Mahmudova S.M. Rutul'skaya literatura. Mahachkala, "Narody Dagestana", 2008knig" v carstvovanie blagovѣrnago Gosudarya Carya Aleksѣya Mihajlovicha v" 7163/1655 godu. Izdanie 2-e Moskva, 1788.
9. Novyj lѣtopisec". // Polnoe sobranie russkih" lѣtopisej, izdannoe po Vysochajshemu povelѣniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. Tom" 14. Pervaya polovina. I Pod" red. S. F. Platonova i P. G. Vasenko — SPb: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910
10. Plach" o plenenii i o konechnom razorenii Prevysokago i Presvѣtlѣjshago Moskovskago gosudarstva, v" polzu i nakazanie poslushayushchim". // RIB. T. 13. SPb., 1891.
11. Povѣst' knyazya Ivana Mihajlovicha Katyreva-Rostovskago po spisku Imperatorskoj publichnoj biblioteki Q. 4. № 154 // (RIB). T. 13. SPb., 1891
12. Povѣst' o chestnѣm" zhitii Carya i Velikago Knyazya Feodora Ivanovicha vseya Russii. II. // RIB. T. 14. Pervaya polovina. SPb, 1910.
13. Pushkin A.S. Pis'mo o «Borise Godunove». // Sobr. soch. v 10 tomah. T. 6 Kritika i publicistika. M.: GIHL, 1962.
14. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu. Okolo 13 sentyabrya 1825. // Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 9, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.

Махмудова С.М.

Феномени интенциональных «Христианство, Россия и русский народ» в письмах из Италии и дневниках

Достоевского

Язык и текст langpsy.ru

2018. Том 5. № 3. С. 17–28.

Mahmudova S.M.

Phenomena of intentional "Christianity, Russia and the Russian people" in letters from Italy and Dostoevsky's diaries

Language and Text langpsy.ru

2018, vol. 5, no 3, pp. 17–28.

15. Pushkin A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu ot 2 yanvarya 1831 //
16. Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 10, M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
17. Sbornik" Imperatorskago Russkago istoricheskago obshchestva. (RIO) Tom" sto sorok" vtoroj. M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1913.
18. Skazanie o Grishkѣ Otrep'evѣ // Russkaya istoricheskaya biblioteka (RIB). T. 13. SPb., 1891
19. Skazanie o Carstvѣ Carya Feodora Ioannovicha // Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Kommissieyu. Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k" Smutnomu vremeni. Tom" trinadcatyj. SPb.: 1891
20. Sobornyj prigovor" protiv" chernca Otrep'eva... lozhno nazyvayushchagosya Carevichem" Dimitriem" (1604 g.) // Sobranie gosudarstvennyh" gramot" i dogovorov", hranyashchihsya v" gosudarstvennoj kollegii inostrannyh" dѣl". CHast' vtoraya, sluzhashchaya dopolnieniem" k" pervoj. M.: Tip. Selivanovskogo, 1819.
21. Hroniki Smutnogo vremeni. // Konrad Bussov. Arsenij Elassonskij. EHlias Gerkman. «Novyj letopisec». M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. – 608s. – (Istoriya Rossii i Doma Romanovyh v memuarah sovremennikov XVII-XX).